

К. Куоллс

Создание и реконструкция памяти о городе-герое Севастополе

В данной статье, так же как и в нашей книге о Севастополе¹, речь идет о периоде позднего сталинизма. С самого начала хотелось бы внести ясность по поводу авторской позиции относительно дебатов вокруг Сталина. Определяющим фактором в бинарной оппозиции между тоталитарной школой историков и современными сталинскими апологетами является степень причастности в советско-сталинском обществе. Многие из нас до определенного времени «писали историю с середины». Примирить крайности — «верхи» и «низы» — не просто педагогическая или дипломатическая задача. Необходимо опираться на очевидные факты и логику. Сталин обладал огромной властью, но его власть не была абсолютной. В Советском Союзе была велика степень причастности институтов и Министерств, преследующих свои собственные цели, к происходящему в стране. Это могли быть как чиновники, так и простые граждане, если они вызывались просветить вышестоящие власти относительно ситуации на местах. Иногда это срабатывало, иногда нет. Рассматривая успехи и неудачи подобного участия, мы сможем ближе изучить механизмы приспособляемости режима и/или стратегии власти, оказывавшие влияние на Сталина и его внутреннее окружение.

Приведем пример успеха местного значения: как физическое, так и мифическое восстановление крупного морского порта Севастополя, практически полностью разрушенного в ходе Второй мировой войны. Мы докажем, что власть и влияние не всегда действовали по нисходящему принципу, а местные жители и чиновники могли убедить власти приспособиться к нуждам местного населения.

Процесс послевоенного восстановления в Советском Союзе начался по известному сценарию. Через два месяца после великой победы под Сталинградом и начала постепенного продвижения сил Красной Армии в направлении Берлина, Совнарком учредил в Москве Комитет по делам архитектуры, и все уцелевшие после сталинских «чисток» 30-х гг. известные представители архитектурного

Карл Куоллс,
профессор,
Дикинсон колледж
(США).
quallsk@dickinson.edu

сообщества начали борьбу за первенство по перепроектированию военных и промышленных городов, разрушенных в ходе войны². Однако они практически ничего не знали о тех городах, которые им пришлось перепроектировать. Некоторые обошлись кратким визитом в восстанавливаемый город, другим и это показалось лишним. В результате лишь немногие архитекторы представляли себе местные условия и нравы.

Георгий Бархин и Моисей Гинзбург разработали для Севастополя конкурирующие концепции, и несмотря на то, что Бархин получил право на детальную разработку своего проекта, ни одна из предложенных концепций не отвечала потребностям города. Довоенный архитектор Севастополя Георгий Ломагин доказал судейству, что ни один из соперничающих архитекторов не принимал во внимание историю города и нужды его населения. Последователь Ломагина Юрий Траутман не только поставил под сомнение московское видение Севастополя, но также сумел взять под контроль процесс проектирования, обозначив экономическую и моральную выгоду от соблюдения местных традиций и сохранения истории.

В определенный момент Траутман научился использовать режимный дискурс в борьбе с централизованной гомогенизацией. Траутман раскритиковал «абстрактный академизм» Бархина, который не сумел приспособиться к «реальным нуждам города»³. Ноябрьская директива Совнаркома 1945 г. потребовала скорейшего восстановления городских центров, жилья и даже значимых архитектурных сооружений. Пожалуй, наиболее значимым для Траутмана и прочих местных чиновников, стремящихся отвоевать власть у московских проектировщиков, стало постановление, призывающее к «улучшению бытовых условий гражданского населения»⁴. Траутман ухватился за новую директиву и, открыто выступая против идей Бархина, предложил взять проект на себя, мотивируя свое предложение тем, что его команда «приведёт эскизы центра в соответствие с новыми генеральными директивами и более подходящими исходными характеристиками»⁵. Под «новыми генеральными директивами» понималось ноябрьское постановление, а формулировка «исходные характеристики» означала, что проектировщикам пора узнать Севастополь, его традиции, посмотреть на уцелевшие здания, отражающие характерные особенности застройки города. Траутман тщательно проанализировал московские указания в отношении традиций и местных условий, и таким образом во многом сохранил дореволюционный характер Севастополя.

Сторонники центра вскоре последовали за Траутманом, отмечая, что разработка Бархина «не связана ни с традициями, ни с масштабом и характером севастопольского ансамбля», и что она «отклонилась в точку абстракции» и «несёт на себе отпечаток абстрактного академизма»⁶. Многоголосая оппозиция, организованная вначале Ломагиным, а затем Траутманом, убедила Комитет по делам архитектуры отказаться от предложения Бархина⁷. В результате «битвы», инициированной местными архитекторами и подхваченной их ведущими коллегами из Москвы, нужды Севастополя стали приоритетными. Критикуя плохо подготовленный план Бархина, Траутман вел речь об архитектурных особенностях города и антиформализме. Выступая от имени

населения, может, и не всегда напрямую, он надежно закрепил за собой в истории звание архитектора города-героя⁸.

В альтернативном проекте Траутмана большое значение придавалось истории и уникальным качествам города⁹. Он намеренно противопоставлял себя аутсайдеру Бархину и ему подобным. Главный архитектор Севастополя заключил, что Бархин «не знал и не внедрял в свой проект местные условия и традиции»¹⁰. Грандиозный замысел Бархина перепроектировать «традиционные места отдыха горожан и моряков Севастополя (Приморский и Мичманский бульвары) служит доказательством тому, что архитектор не заботится о традициях города-героя Севастополя, который более века защищал нашу Родину»¹¹. Местный архитектор приводил доводы в пользу проекта реставрации, нежели в пользу проекта, убивающего историю города правительственными сооружениями, что, по мнению Траутмана, было не только эстетической ошибкой, но и напрасной тратой дорогих материалов. Реставрация быстрее удовлетворит потребность населения в жилье, и к тому же потребует меньше и без того скудных запасов материала и рабочей силы. Убежденность Траутмана в том, что жилье является первоочередной необходимостью, была настолько сильна, что строительные нормы перестали соблюдаться. Например, промышленные руководители строили не временные деревянные бараки и палаточные городки, а сооружения из кирпича.

Ратуя за насущные потребности населения, Траутман с председателем Горплана Тamarой Алёшиной создал мощную коалицию против далеких от реальности предложений Москвы. Госплан, центральное ведомство Алёшиной в Москве, планировал, что население Севастополя составит 80 000 человек к 1950 г., но при уже существующих 60 000 к концу 1946 г. (при росте в 50 000 человек только в течение 30 месяцев), севастопольские проектировщики ставили более реальную задачу — 112 000 человек. Более чем весомый аргумент в пользу будущего населения. Поскольку планирование по большей части ориентировалось на соотношение «обслуживание–население», то увеличение числа жителей означало возросшие расходы на содержание города. Траутман и Алёшина приходили в ярость от безразличия Москвы к потребности Севастополя в жилье и отказа центра в поставках материалов и рабочей силы. Корректировки Траутмана и Алёшиной в большей степени учитывали потребности жителей в транспорте, медицине, образовании и т. д.

Материальные потребности были не единственной необходимостью. Война породила нестабильность в обществе, разрушила многие признаки самобытного характера. Поэтому проектировщики сосредоточились на создании «местных» форм, нежели чего-то по своему существу «общенационального». Если новые жители будут эмоционально привязаны к своему родному городу¹², они захотят усерднее трудиться, чтобы увидеть его обновленным. Руководители Севастополя, в особенности Траутман, использовали данный принцип как преимущество.

Вместо того, чтобы последовать примеру Бархина, чрезмерно прославляя Сталина и недавнюю победу, забывая о богатой истории города, Траутман и его сторонники начали увязы-

вать события времен царской и советской России, демонстрируя их преемственность. Бархин предлагал соорудить грандиозный памятник Сталину, которого провозгласил «великим организатором и вдохновителем победы»¹³. Мемориалы героев войны размещались в тени Сталина и простирались через парк и по всему периметру сквера. 110-метровая башня войны (четыре триумфальные арки, украшенные героическими скульптурами) доминировала даже над сталинским образом. Передвижение по новому бархинскому парадному маршруту создавало бы ощущение исторической связи с прошлым, но связи по своей сути советской и социалистической. Участники марша начинали бы свой путь с улицы, названной в честь отца коммунистических идей Маркса, затем шли по улице защитника молодого большевистского государства в период гражданской войны Фрунзе, и наконец шли по улице отца народов, защитившего Родину от недавнего пожара. Участники стремительного марша ощущали бы значимость прошлого.

Историю Севастополя следовало бы рассматривать в первую очередь с позиции истории советской. Осознанное немецкое нападение на корабли и порты Севастополя было не просто военным действием — оно разрушило исторически сложившийся образ Севастополя как екатерининского «бастиона» против турецких войск и как крепости, в XIX в. предотвратившей вторжение английских, французских и турецких моряков, как родины моряков, поднявших революционный мятеж. Бархинское преобразование было в равной степени разрушительным.

Проектировщики понимали, что реставрация невозможна без учета исторического облика города или русского национального наследия¹⁴. Особенно показательна полемика вокруг Владимирского кафедрального собора. Бархин задумал снести все сооружения на центральной возвышенности, включая Владимирский кафедральный собор, чтобы освободить пространство для нового военно-морского ансамбля¹⁵. И несмотря на то, что более трети местной приемочной комиссии были представителями военно-морских сил, комиссия отклонила предложение расширить военно-морской комплекс за счет разрушенного войной собора¹⁶. Муниципальное и военно-морское начальство стремилось обратить местную общественность к совершенно определенной, отдельно взятой истории героизма и жертвенности города, России, Советского Союза. Кипиты Владимирского собора хранили останки четверых величайших военачальников Крымской войны, значимого события в истории города. Несмотря на большие подвиги Второй мировой, местные власти понимали, что невозможно писать историю города или флота без непосредственного упоминания о Крымской войне. Для моряков образ города-героя был более значимым, нежели расширение собственных административных условий.

Топографические названия также смещали фокус городской идентификации. В 1945 г. вице-адмирал Ф. С. Октябрьский говорил о том, что названия главных улиц и площадей Севастополя должны отражать исторические события и имена организаторов и героев оборон Севастополя¹⁷. Позиция Октябрьского как командующего Черноморским флотом во время войны, а с 1948 г. — заместителя главкома ВМС, определенно имела вес. Более того, его стремление

увекочить обе войны совпадало со вновь возникшим желанием городских чиновников переосмыслить понятие «местный».

После того, как власть от Бархина перешла к местным архитекторам, в списке архитектурных достопримечательностей города обозначились памятники, отдающие дань уважения героям XIX в. Очевидно, взяв на вооружение рекомендации Октябрьского, Траутман и его команда приступили к переименованию главных улиц и площадей города как интегрального звена урбанистической активности и идентификации — уникальный, по сути, факт не только для Севастополя, но и для всего СССР¹⁸. Улица Екатерины Великой стала называться улицей Ленина: хотя она существует и по сей день, улицы Маркса и Фрунзе были переименованы в Большую Морскую и Нахимовский проспект. В масштабах общего проекта подобные изменения предвещали смещение акцентов в сторону местной индивидуальности, исторической глубины и национальной гордости. Фрунзе сыграл важную роль в освобождении Крыма от немцев и белых после революции, но он не рассматривался как «местный» герой. Маркс, безусловно, не имел прямого отношения к городу, только к господствующей идеологии. Другое дело — адмирал Нахимов, возглавляющий пантеон героев Крымской войны. Название улицы Большая Морская лучше отражало образ военно-морского порта. Возрождение уникального, самобытного характера, с которым горожане смогли бы связать свои идеалы и устремления, стало первоочередной стратегией идентификации. Уроки Крымской войны были вполне поучительны и поддерживали наиболее общепринятые советские идеалы долга, самопожертвования и борьбы против врагов Родины. Таким образом, выраженный акцент на местных характерных чертах вовсе не подрывал относительное отождествление с Советским Союзом.

Другие перемены в застройке Севастополя повлекли видоизменение городской идентификации. Площадь Нахимова вытеснила Третий Интернационал, лишь ближайшую к морю площадь украшало имя великого адмирала. Площадь Коммуны переименовали в честь другого морского героя, адмирала Ушакова. Даже великая Октябрьская революция пала жертвой стремления увекочить военно-морскую историю Севастополя. После Второй мировой войны площадь Революции была переименована в площадь М. П. Лазарева, командующего Черноморским флотом в конце XVIII столетия. Там самым проектировщики стирали историческую память о некоторых деятелях дореволюционной России.

За участие в сотрудничестве с нацистами были массово выселены крымские татары. Крымские евреи-караимы пострадали при Гитлере, как и большинство европейских евреев. Кроме того, послевоенный период привнес новую волну антисемизма в СССР, особенно после появления в 1948 г. нового государства Израиль. Татарская слободка стала известна под названием Зелёная горка. Кенаса, еврейский молитвенный холм, стал спортивным клубом «Спартак». Татарская мечеть, лишившись своих минаретов и цитат Корана на фасаде, превратилась в военно-морской архив¹⁹.

Говоря о стремительных темпах перестройки Севастополя, нельзя не упомянуть высказывание Давида Бранденбергера о том, что возрождение событий и имен героического прошлого служит прообразом великой советской цели²⁰. Однако для Севастополя возрождение истории означало больше, чем просто «руссцентризм», поскольку основывалось на подвигах местных героев, которые, защищая Родину, также служили русско-советскому обществу. Такое видение истории делало честь военно-морским и местным чиновникам. Таким образом, более сильная связь с местной историей и традицией, выражаемая посредством сооружения памятников и переименования улиц, часто в ущерб славе СССР, вероятно, была намного более эффективной в обеспечении стабильности, чем абстрактный марксизм–ленинизм–сталинизм.

И хотя архитекторам тех лет не суждено было знать, что с распадом СССР по всему бывшему советскому государству прокатится волна переименования улиц, уничтожения советских построек и воссоздания воображаемого исторического облика городов, Севастополь смог избежать внезапного перехода, поскольку на десятилетия раньше стал самобытным городом со своей собственной, более глубокой историей.

В то время как историки времен «холодной войны» часто рассматривали поздний сталинизм как период «отупляющей» централизации, новейшие исследования внесли коррективы в подобное видение. В Севастополе велось много переговоров. В условиях, когда инфраструктура была разрушена войной, легкая промышленность и строительство переориентированы на нужды обороны и основная часть рабочего населения погибла, была осуждена или все еще находилась в армии, послевоенная перестройка требовала совместных усилий для предельного увеличения темпов реконструкции и мелиорации ужасающего состояния разрушенных городов. При дефиците материалов и информации ведущим проектировщикам приходилось рассчитывать и на самоотверженный труд горожан. Но даже во время обороны военных лет люди вдохновлялись российской историей. Подобным образом центр уступал многочисленным требованиям периферии сохранить исторический облик и восстановить архитектурные памятники городов. Жилье в ту пору являлось главным фактором беспокойства.

С одной стороны, оба противоположных взгляда, централизации (Комитет по делам архитектуры) и местного патриотизма (Траутман и др.), поддерживали интересы населения. Представители партийной элиты Москвы, например, были сторонниками централизации. Став более эффективной, экономика улучшится, и благосостояние и мощь страны возрастут. Однако местные представители власти стремились защитить историю города. Уникальная идентификация развивалась как в географических, так и в исторических параметрах города, что обеспечивало горожан их собственным «центром» — местом, где они могли бы определить себя как «мы». Два подобных видения будущего облика Севастополя не были взаимоисключающими.

Еще до революции 1917 г. в основе требований марксистов было создание условий для трудящихся под игом буржуазных собственников. Лишить гражданских прав последних было возможно, если привести в порядок хаотичную систему, в которой движущими силами были

прибыль и капитал. Но централизация не означала полного отказа от вариаций внутри системы, по крайней мере, в некоторых вопросах культуры, даже в период пика сталинизма. Даже в первые послереволюционные месяцы Ленин понимал, что культурная символика и историческое прошлое были значимыми элементами, которые необходимо беречь от возмутителей спокойствия²¹. Сохранение дореволюционного наследия позволило городу сохранить собственную связь с прошлым России и служить туристической достопримечательностью для россиян, англичан, и в особенности немцев, приезжающих сюда, чтобы узнать об их военной истории.

---

¹ Qualls K. D. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Cornell, 2009.

² Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 9432. Оп. 1. Д. 3. Л. 54. — Приоритетными городами были Ростов-на-Дону, Новгород, Псков, Смоленск, Воронеж, Калинин, Новороссийск, Севастополь, Курск, Орел, Великие Луки, Мурманск, Вязьма, Брянск и Краснодар.

³ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 243а. Л. 57.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. А-150. Оп. 2. Д. 20. Л. 1.

⁵ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 243а. Л. 52.

⁶ План и Архитектурное решение центра по плану Бархина см.: РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 243. Л. 106–110; Государственный архив г. Севастополя (далее — ГАГС). Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 21. Л. 55–59; РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 154. Л. 159–63.

⁷ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 243. Л. 111–115; Д. 154. Л. 155–58.

⁸ Дочь Бархина продолжала утверждать в 1980-е гг., что именно ее отец был подлинным архитектором Севастополя. См.: *Бархина Г. Г. Б. Бархин. М.*, 1981.

⁹ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 243. Л. 52–58; ГАГС. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 21. Л. 9–14.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 9432. Оп. 1. Д. 243а. Л. 52.

¹¹ Там же. Л. 55.

¹² Это обращение к родному городу было одним из самых распространенных пропагандистских приемов. См., например: *Слава Севастополя*. 1949. 28 мая. — Фотограф запечатлел транспарант рядом со стройплощадкой, на котором было написано: «Севастополец! Что ты сделал для восстановления твоего родного города?» Слово «родной» не случайно единственным написано от руки. Использование неформального местоимения «ты» в единственном числе также подчеркивало необходимость индивидуального участия.

¹³ ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 30а. Л. 9.

¹⁴ *Семенов В. Н. Основы планировки восстанавливаемых городов // Проблемы современного градостроительства*. 1947. № 1. С. 5–6.

¹⁵ *Бархин Г. Проект будущего: почетное задание // Слава Севастополя*. 1945. № 1. 18 мая; ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 30а (Пояснительные записи С. Д. Истковича и Г. Б. Бархина).

¹⁶ ГАРФ. Ф. А-150. Оп. 2. Д. 52. Л. 1–10, 32–35.

¹⁷ Там же. Ф. А-259. Оп. 5. Д. 279. Л. 16–18.

¹⁸ Ричард Уортман показал значимость символических использований названий площадей и имен в дореволюционный период, а Джон Мюррей задокументировал простой феномен в конце советского периода. См.: *Murray J. Politics and Place-Names: Changing Names in the Late Soviet Period*. Birmingham: Birmingham Slavonic Monographs, 2000; *Wortman R. Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton: Princeton University Press, 1995. —

Больше о посткоммунистических изменениях в восточно-европейских городах см.: *John J. Cities after the Fall of Communism: Reshaping Cultural Landscapes and European Identity* / Czaplicka, Nida Gelazis and Blair A. Ruble, eds. Johns Hopkins University Press and Woodrow Wilson Center Press, 2009. — В частности, о Севастополе см.: *Qualls K. D. Today's Travel through Sevastopol's Past: Post-communist Continuity in a «Ukrainian» Cityscape.*

¹⁹ ГАГС. Ф. Р-79. Оп. 2. Д. 131. Л. 88.

²⁰ *Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956.* Cambridge, 2002. P. 12.

²¹ См.: *Stites R. Iconoclastic Currents in the Russian Revolution: destroying and Preserving the Past* // *Bolshevik Culture: Experiment and Order in the Russian Revolution* / Abbott Gleason, Peter Kenez, and Richard Stites, eds. Bloomington: University of Indiana Press, 1985.